

Рафаэль ГУСЕЙНОВ,
доктор филологических наук, академик НАНА

НАДМИРНЫЙ И НАДВРЕМЕННЫЙ

*Вне пространства Насими, нет ему нигде гнездовья.
И на что ему гнездовье, не вмещающему в мир?*

Памятник Насими в г. Сумгайите. Скульпторы Т.Мамедов и И.Зейналов

Кто же был Насими?

Вот уже шесть столетий задаются этим вопросом, и находят ответы, и каждый из них представляет эту светоносную личность иной гранью, в другом ракурсе.

*Я ведун стихии мощи, перл единой кладовой,
Днесь я Насими, который слился с грешною землей.*

Он сравнивал себя со стихией, с океаном силы, но не удержался от печальных сетований о том, что

не оценен по заслугам, и, как низвергнутая с небес звезда, остался попираем ногами.

*По обличью Насими человек обыкновенный,
Разгляди духовным зреньем глубь сути сокровенной.*

Да, говорил он, я могу быть внешне похожим на простого смертного, на заурядных мирян, погрязших в скверне бытия. Но внутренне я – носитель чистого возвышенного духа.

Кто же был Насими?

Сегодня нам, всматривающимся в него, ясно: перед нами одно из светил нашей поэзии. Он же осознал это до нас.

*Насими подобен солнцу. Сколько чающих в тоске
Хоть частички от луча светоносного его!*

Ощущая свою духовную мощь, свое солнечное свечение, он был в состоянии скромно ограничивать свою самооценку, и уравновесил ее смиренным признанием.

*Отрекался я от света, благостыни мировой.
Насими я, дервиш бедный со смиренною душой.*

Кто же он, каков он, наш гениальный пращур?

*Тридцать две священных буквы – моя вечная
родня.*

*Нет сравненья и подобья, вне сомненья у меня.
Ибо вечны, бесконечны и начало, и конец,
И допрежь, и напоследок я сиянье и венец.*

Он видел в буквах сакральный смысл, уподобляя себя им, видел смысл своего бытия в слове, выстраиваемом из букв. По убеждению Насими, **нет силы могущественнее слова, глагола, слово означает и воплощает все сущее. Слово – и душа, и создатель жизни, и выразитель души, и зеркало ее, и твердь, и небо с его девятью (по исламу) слоями, и первоэлементы сущего во Вселенной**, - вода, огонь, ветер, земля; слово – перо и бумага, письмена и все пророки воплотились в слове.

*Внемли: душа всего живого – слово.
Пространство неба голубого – слово.
Зри неподвзято и постигни, что
Творец пристанища земного – слово.*

*Внушенье свыше, внявшие внушенью
Едины, единит их вновь и снова – слово.
Оно неизмеримо глубиной,
Предела не имеет никакого слово.
Перо, доска, престол и стол,
И девять рангов горнего покрова.*

Каким в этой восторженной абсолютизации слова, феерии сакральных символов предстает

Насими?

Солнце величиной с искорку, луч с энергией Солнца, - человек, поэт, «не вмещавшийся в мир».

*Я кроха света, я светило, четыре жизненных
стихии,
Узри и возвести меня, я в возвещенья не вмещусь.*

В 1369 году будущий поэт вмещался в лоно матери своей, еще не осознавая свою миссию... И явился на свет в Шемахе. Был у него брат по

*Памятник Насими в Баку. Скульпторы Т.Мамедов,
И.Зейналов, архитектор Г.Мухтаров*

Ковер "Насими-600 лет". Художник Л.Керимов

Казнь Насими. Художник М.Абдуллаев

имени **Шах-Хандан**, который дожил свои дни в родном городе и был погребен на кладбище, которое названо его именем (трансформированное в «Шахандан»). На этом кладбище много веков спустя завещал похоронить себя знаменитый уstad **Сеид Азим Ширвани**:

*Похороните в Шахандане меня.
Ибо там упокоился славный шахид» (т.е. «покойник»).*

Этот факт и большинство других источников, сообщающих о рождении Насими в Шемахе, опровергают прочие версии, связывающие место рождения поэта с другими городами.

Смолоду поэта отличало **неприятие самозамыкания, автаркии, - качество, сопровождавшее его всю жизнь**. Хотя он получил основательное образование в просвещенной шемахинской среде, ему было тесно в рамках этих знаний, он рвался на более широкое духовное пространство.

Насими был уникален, был одинок, и судьба звала его идти не по проторенной дорожке, а неведомой стезей.

Его влекло к **хуруфизму, имевшего такого лидера, как шейх Фазлуллах (1339-1394). Еще раньше был предтеча-мученик Мансур Халладж**, провозгласивший в девятом веке «Ал-аль-хаза» и казненный в Багдаде.

Фазлуллах, поначалу известный под псевдонимом Гусейн (в честь Мансура Халладжа), затем избрал псевдоним Наими. Имадеддин же избрал созвучное имя – Насими.

Уроженец Тебриза, Фазлуллах смолodu усвоил основы современных ему научных знаний; жил за

счет своего ремесла – шапошничества, но ему была уготована миссия **духовного предводителя «униженных и угнетенных», нового философского движения, создателя главной, программной книги хуруфизма – «Джавидан-наме»** (название можно перевести как «Книга увековеченных»). Из-под пера Фазлуллаха вышли и «Махаббат-наме», и «Арш-наме» («Книга небесная»), и «Нов-наме» («Книга преображений»), но ни один из этих трудов не снискал такой популярности, как «Джавидан-наме», который переходил из рук в руки.

Казнь Насими. Художник Б.Мирзазаде

В числе причастившихся к свету этого трактата был Насими, обретший в нем свой путеводный устав.

И выразил в стихах свою преданность уstadу. Фазли-хагг - прозрачная транскрипция имени Фазлуллах:

*Фазли-хагг - наш мудрый тайновед,
У Фазли-хагга черпаем все свет,
Как действовать, - он всем явил секрет.
Он - зодчий наш, иного нет и нет.*

В 1396 году, когда Фазлуллах прибыл в Ширван с целью проповедовать хуруфизм и привлечь новых приверженцев, Насими был уже известным поэтом. После встречи с Фазлуллахом, состоявшейся в Баку, изъявления твердой приверженности его учению, его слава возросла еще больше, об этом можно судить по поэтическому самопризнанию:

*О, Насими, весь мир объяло твое слово,
Слава Аллаху, ты падишах страны...*

Наверное, слова «падишах страны» надо воспринимать в метафорическом смысле, но посте-

пенно умножающий свои ряды, расширяющий сферу влияния и **превращающийся в организованную силу хуруфизм виделся правителям как потенциальная угроза политической власти**, и власть предрешающие предприняли решительные шаги. По приказу Тамерлана его сын Мираншах (наместник региона тимуровской империи) заключил Фазлуллаха под стражу и отправил его в Нахчыван, где некоторое время узника содержали в крепости Алинджа. Затем его подвергли ужасной казни, в устрашение мюридов, - привязали к конскому хвосту и волокли по скалистой земле до тех пор, пока тело несчастного, ударяясь о камни, искалеченное и разбитое, не стало бездыханным...

А до того, в застенке у него вырвали язык, видимо, пытали, желая выведать какие-то имена и тайны тариката...

Должно быть, Фазлуллах как истинно заботливый и дальновидный наставник заранее принял меры, чтобы обезопасить питомцев, - **тем логичнее с этой позиции выглядит героическое поведение и стойкость Насими** в будущем роковом 1417 году в Алеппо, когда он был приговорен к мучительной смерти.

Фазлуллаху удалось перед гибелью передать на волю своим сподвижникам «Завещание»: *«Передайте привет всем дервишам. Все мюриды могут погибнуть, на всех могут покушаться. Где бы они ни находились, пусть никто не узнает, что они - мои мюриды. Если удастся, пусть уйдут в Гилан, Мазендеран (области старой Персии).*

Могут направить за ними вдогонку согладатая. Но они должны вести себя предельно скрытно, еще и еще раз скрытно. Изменить одежду, внешний вид, на манер ширванцев и горского джамаата. Удалитесь в недоступное и надежное пристанище. Осуществите это дело возможно скорее, пока никто из орды не успел двинуться за вами, и совершите бегство без потерь. Конечно, конечно, конечно же спешите уйти. Отойдите в дальние горные края, смените имена. Отрешитесь от дервишевских радений. Советую также постоянно совершать намаз и заняться каким-либо ремеслом».

Фазлуллах был прозорлив и опытен. Понятно, почему он давал такие советы. Он знал и о горячности и строптивости своих последователей. Потому временами он настойчиво подчеркивает некоторые наставления, надеясь дать миру знать о грозящей опасности. Насими внял «Завещанию» учителя. Но не до конца. Он поспешил в Малую

Азию, где, согласно последним наставлениям устада, перестал заниматься ритуалами тариката. Но не думал уходить в подполье, говорил и писал, не кривя душой; ему удалось снискать себе множество последователей.

Но отнюдь не все, кого он хотел привлечь, согласились с ним. Он снискал себе как друзей, так и врагов. **Бунтарский дух был в его природе. Он не мог пойти наперекор себе, как того чаял Наими, переломить, переиначить себя.** И впрямь, может ли человек, «не вмещающийся в мир», подчиниться завещанию своего наставника? Он признавался, что убеждения, идеалы, кредо сильнее и превыше всего.

*Во мне вместятся оба мира, но в бренный мир
я не вмещусь,*

*Я перл вне места и пространства, в простор
вселенной не вмещусь.*

*Никто наитьем, рассуждением постигнуть
истину не смог,*

*Постигший знает, в смуту мнений и сомнений
не вмещусь.*

*Всмотрись в обличье, и в обличье дух сокровен-
ный разгляди,*

*И дух, и плоть я, вне сомнений, и в плоти тлен-
ной не вмещусь.*

*Со временем я современен, но в современность
не вмещусь.*

*Пойми мой сказ, в век и час я, вневременный, не
вмещусь.*

*Сегодня я и Насими, и хашемит, и корейшит,
Аят мой выше, чем я есть, в толк неизменный
не вмещусь.*

И хуруфизм, и идеи «бекташи» под его влиянием пускают глубокие корни в Малой Азии, расправляют крыла. Именно политические претензии, содержащиеся в положениях этих тарикатов, и здесь настраивает власти к суровому обращению с приверженцами движения. Бекташитов не вешают, им не сносят головы, зато при султানে Мураде многих из них сжигают живьем. Чувствуя, что тучи сгущаются, Насими вновь отправляется в дальний путь - на сей раз в Ирак, в Сирию. Он в совершенстве знал турецкий, арабский и фарси, писал стихи на этих языках. В этом отношении у него не было препятствий на пути к аудитории для проповедей. **И в арабском мире, и на Кавказе, и в Малой Азии публика встречает его уважительно. Но**

при всех симпатиях и последователях, было и немало злопыхателей, питавших к нему неприязнь, встречавших в штыки. Был ли поэт к тому времени женат или обзавелся семьей в тех краях? Нет источников, дающих достоверный ответ на этот вопрос. Наиболее вероятное предположение, что создание семьи относится к периоду обоснования Насими в Сирии.

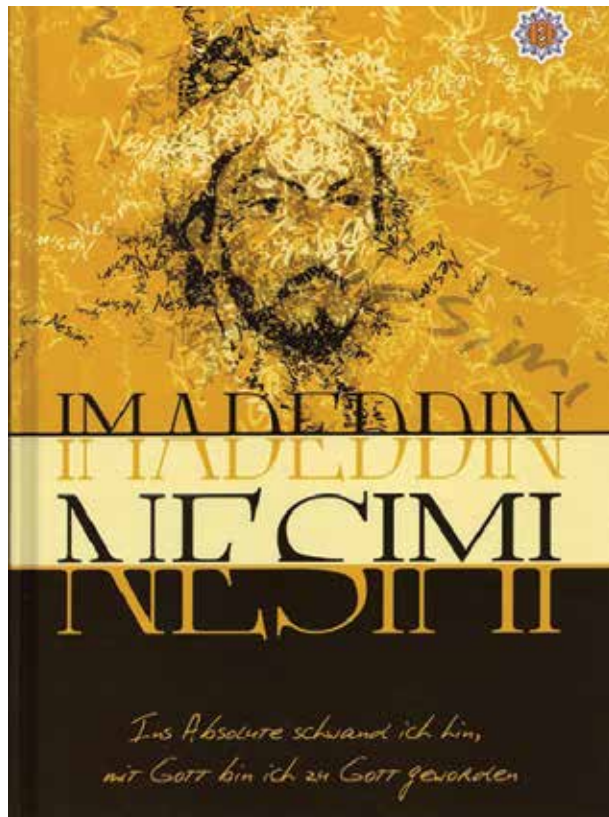
*Поскольку Абулфазл ниспослан небом (Аллахом)
Насими,*

*Он носит имя то же, что (воплощавший) буквы
небес.*

«Абулфазл» означает «сын Фазла». Имадеддин Насими выбрал свой псевдоним в честь устада – Фазлуллаха Наими; и сына он нарек в его же честь именем Фазл. Сегодня в Сирии живут представители рода Насими. Но их знает узкий круг людей, близкие друзья, родственники.

А стихи Насими ныне знают все, и будут знать во все грядущие времена.

До нас дошло летописное сообщение об эпизоде в Алеппо XV столетия. Один из учеников Насими на городской площади громко читал газель поэта на фарси:

*Мой лик дано узреть тому, кто зреет лик
Господний.*

*Самовлюбленный лик узрит ли лик Танры?
Тобой ниспослан свет, свет в очи Насими,
Он чает зреть тебя, других узреть нужды нет!*

Эти строки сочли богохульством и кощунством. Схватили читавшего газель. Подвели под виселицу. Молодой парень гордо утверждал, что он сам автор газели. Узнав об происходящем, Насими поспешил на ту площадь и сообщил правду, объяснив поступок питомца желанием отвести удар от своего учителя. Так поэт вызволяет безвинного юношу и сдает себя в руки служителей властвующей религии.

И без того много козней строили, много сетей плели вокруг поэта, вероломно выжидали подходящего случая, чтобы расправиться с ним. Не будь случая на площади, они бы, конечно, нашли бы другой предлог.

Арабский историк XV века **Муфатааддин Ахмед ибн-Ибрагим Аль-Халеби** сообщает нам о жестокой расправе в хронике «**Златые кладези и история Халеба**» (т.е. Алеппо). Историк привел и текст фирмана, приговорившего Насими к казни. Он называет поименно всех пятерых вершителей этого судилища - может, чтобы их настигло проклятие потомков?..

Впрочем, не все они заслуживают анафему.

Главный обвинитель – **ибн Шангашюл**, объявляя Насими еретиком и богохульником, требует его осуждения и публичной казни. Но один из членов суда – **Шамсадин ибн Амин уд-довле** выступает против, подчеркивая необходимость предварительного доказательств вины перед вынесением столь тяжелого вердикта: «*Если ты не можешь обосновать эту кару, то мы вынесем фетву о твоей собственной казни...*»

Эта загвоздка и словопрение приводят ведущего судебный процесс и Шангашюла в замешательство. Опасаясь, что мотивировать обвинение и казнь не удастся, он идет на попятную. То, что суд и казнь были «заказными», заранее закулисно запланированными, подтверждается появлением на суде муфтия **Шихабеддина ибн Хилала**: «*Я объявляю фетву на неприятие покаяния Насими и на его смертную казнь! Ибо он воистину – кяфир! И я смогу доказать это!*»

Главный кадий – **Фахреддин аль-Малики** обращается к одному из присутствующих: «Ты можешь

на клочке бумаги собственноручно написать, что обвиняемого надо казнить?!»

Шихабеддин ибн Хилал сразу подписывает бумажку.

Но остальные служители Фемиды колеблются, не желая поддержать приговор. И Фахреддин аль-Мелики, видя несогласие других кадиев и улемов, отменяет вынесение смертного приговора.

Процесс откладывается.

Насими снова уводят в темницу. Ждут высочайшего вердикта султана Муайяддина. Он не заставляет себя ждать:

«...Содрать с него кожу... выставить на всеобщее обозрение. Затем четвертовать и кусок отправить Алибеку сыну Зульфикара, братьям одного Насреддину и Осману... Ибо сей Насими осквернил и их веру...»

...Казнь Насими своей жестокой изощренностью напоминает казнь Бабека - девятый век «аукнул» в пятнадцатом столетии. Оба воителя сознательно пошли на смерть во имя своих идеалов.

Бабека так же, прежде чем обезглавить, четвертовали, отрубив десницу, затем шуйцу, напоследок и ноги. Источники с потрясенным изумлением сообщают, что **при таких нечеловеческих терзаниях и мучениях Бабек не дрогнул и не издал ни единого стога**; когда ему отсекали правую руку, он обагрив своей кровью левую и провел ладонью по лицу, не желая, чтобы палачи увидели его побледневшим и не сочли испугавшимся...

Обескровленного и побледневшего на казни Насими один из экзекуторов с издевкой спрашивает: «Что ж ты побледнел-пожелтел?» Предания сохранили гордый ответ замученного поэта: «*Я... Солнце Любви, взошедшее на горизонтах вечности... И Солнце, угасая, бледнеет...*» Есть и другие предания, весьма поучительные.

Во время казни поэта один из ревностных святош, жаждущий расправы, злорадно восклицает: «Этот такой кяфир - куда ни брызни капля его крови, надо то место отсечь». Случайно капелька крови поэта брызнула на палец святоши. Свидетели тогда в один голос «прижали к стенке»: «Держи свое слово – отсеки опоганенный палец». Тот замялся и промямлил – мол, я это ради красного словца...

Насими, уже угасая, истекая кровью, выставляет последнюю газель:

Душа изведется вконец, пусть близок исход, - не заплачет.

*Хагг (здесь – Господь, Танры, Всевышний) ведаёт
все, хоть кровь истечет, - не заплачет.*

Наветом святоши меня освеживали живьем.

*Прозревший круговорот и времени ход, - не
заплачет.*

*Святоше перст отсеки – сбежит и Аллаха пре-
даст,*

*С ашига кожу сдерет палаческий сброд, - не
заплачет.*

Поганые палачи, терзайте плоть Насими!

Кто нелюдей мнит за народ, - не заплачет.

Его умертвили как безбожника, «заблудшего», еретика. Убили как богохулителя. Хотя, в сущности, **он не был атеистом, в его сознании Аллах был неотделим от человека**; если все сущее, каждая частица являлась проявлением, проблеском Всевышнего (по суфийской доктрине), то как он мог мыслить себя вне Бога, отторженным от Создателя?..

По убеждению Насими, **неверно разделять эти понятия – Аллаха и человека; не всякого, конечно, а совершенного человека, постигшего величие и вечность Создателя**. И разъединить каким-либо образом эти два органически взаимосвязанных понятия немислимо. Такова была кардинальная идея, квинтэссенция пантеистической философии о «единой субстанции» («вахдати-вуджуд»).

И если такой строй мыслей был греховен, тогда все суфии заслуживали бы одинаковую кару, всех суфиев и учение их надо было объявлять «бого-противным», «богохулительным».

Во граде единстве я пребываю,

Во плоти своей я тебя созерцаю,

Во кладе своем человека таю,

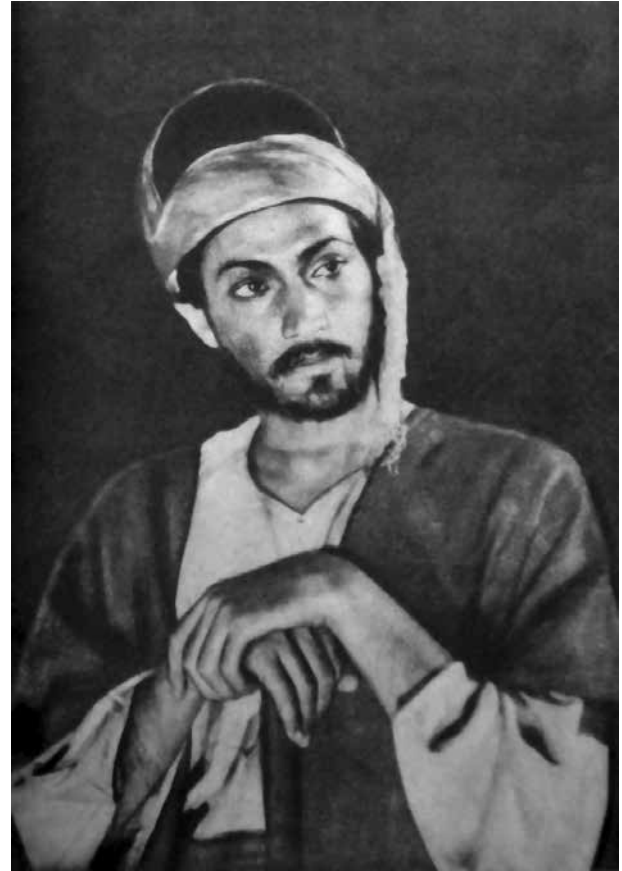
Его и Аллахом, и смертным считаю.

Насими восстает против запретительных ограничений, всяческих препон на пути мысли. Он возвышает человека до божественных высот и видит Аллаха столь же близким, как человека.

Насими придерживался этого убеждения еще до того, как стал Насими, смолоду, когда подписывался псевдонимом «Хусейни», и пришел к этому тезису не самостоятельно; сам он объяснял такое миропонимание внушением Всевышнего.

«Хагг» внушил, велел: «глаголь», я и возгласил.

Обратив мой стих в дастан, пели в вотчинах

*Кадр из художественного фильма "Насими".
Азербайджанфильм, 1973 г. В главной роли Р.Балаев*

окрестных,

Истерзали Гусейни, душу вынули из тела,

*И вознал в скорбный плач сонмы ангелов небес-
ных.*

«Хусейни» - псевдоним в честь Хусейна ибн Мансура Халладжа (858-922).

Тогда Насими не ведал еще о своей участи, о трагедии, постигшей Халладжа в Багдаде и уготованной ему в Алеппо...

Но и в эпоху, когда Насими – Хусейни писал приведенные выше стихи, давала себя знать одна истина, ведомая нам, осведомленным о его гибели; и Мансура Халладжа, и Имадеддина Насими, и других многих титанов духа современники губили не только в силу непонимания и превратного толкования. Нет, зачастую прекрасно понимали, разумели, - попросту их ошеломляло и пугало ослепительное свечение их таланта; лилипуты и пигмеи, которым не дано было дорости, дотянуться до их высоты, в бессильной зависти единственный выход усматривали в истреблении таких феноменов. Но и **в этом они заблуждались. Ведь слово не уничтожить,**

Почтовая марка Венгрии, посвященная Насими. 2005 г.

не казнить, не сокрыть, как не удалось сокрыть тайну о метафорических рогах Искендера – Александра у Низами в поэме, тайну, которую шепнул чабан тростнику и выдала свирель, сработавшая из этого тростника...

Трактат Гастамоглу Лятифи «Машкир иш-шуара» («Знаменитые поэты», 1546) содержит лаконичные

Почтовая марка СССР, посвященная Насими. 1973 г.

оценки, применимые и к личности, судьбе Насими: **«Неустршимый воитель на арене любви и великая жертва Каабы Любви»**. (Речь идет о любви не в обычном, повседневном понимании, а о высокой, одухотворенной сакральным смыслом). Примечательное в этом отзыве то, что **сам Лятифи был в ряду антагонистов хуруфизма, не приемливших и проклинавших этот тарикат, питавших к поэтам-хуруфистам, как правило, антипатию. Но магия таланта Насими взяла верх**. Энергия поэтического слова побудила Лятифи перебороть свои пристрастия и не оставила его равнодушным к «крамольным» медитациям поэта-бунтаря.

Такова энергетика и гравитация стиха Насими, которая умиротворяла и подкупала даже оппонентов.

Энергия, вырвавшаяся наружу из его души, подобно урагану взбаламутила море его помыслов, и от волнения этой стихии письма и слова поэта искрометно рассыпались по вселенной. Когда взорам бдительных верхоглядов предстали эти несравненные перлы, они не поняли поэта и, обозленные тем, что прочитанное выше их понимания, захотели покарать его.

В Алеппо некий отрицатель из улемов задал ему вопрос: «Что ты усмотрел в облике этого юноши, что выказываешь столько умиления и воодушевления?»

Поэт ответил, что созерцает образ Всевышнего в зеркале его лица. Оппонент:

«Мы также видим юношу, но почему же лик (Аллаха) не предстает нам?»

Поэт говорит: «Птица царская (метафорический образ – Р.Г.) не угнездилась в ваших угодьях, и не сподобила счастливой тенью главу вашей милости».

После этого словопрения злопыхатель еще больше ожесточился и, явившись к наместнику, донес ему на поэта, присочинив еще несколько напраслин.

С тех пор, как «хагг» меня призрел, искать призора рьяно стал,

Увидев друга, жаждать встречи я постоянно стал.

Расцвел, раскрылся, как цветок, в лучах цветение его,

Под сенью красоты его подобьем гюлистана стал,

Обрел себя я, Насими, воистину, блажен теперь,

Преобразился Насими, и плотью богоданной стал.

Насими, кажущийся нам далеким, Насими, чьи стихи переполнены суфийскими - хуруфистскими символами, **по своему духу, по своему языку, - в нашем существе, в нашей плоти и крови.** Иначе разве стал бы он столь родным для нас? Каким образом «память крови» аукнется столь далеко? Насими написал такое четверостишие – «тюг» в XIV столетии, образно заявляя - и справедливо! – что является властелином слова своей эпохи:

*Луной и солнцем лики осиянны,
Имбирь и мускус нам благоуханны,
Султан вселенной Насими, поскольку
Назначил век, и век призвал в султаны.*

В бесконечном пространстве вечности, простирающемся вплоть до XXI века – до наших дней он предстает не только нашим титаническим предком, но и современником - поэт, «не вмещающийся в мир», надмирный, надвременный поэт! 🌟

Nasimi compared himself with the elements, with an ocean of power, but could not resist complaints that he was not appreciated for his merits, and, like a star cast down from the sky, remained trampled underfoot. He was convinced: there is no power stronger than a word, as it embodies the entire existence... According to Nasimi, it is wrong to separate the concepts of Allah and man - not everyone, of course, but a perfect person who has realized the greatness and eternity of the Creator. Such was the cardinal idea, the quintessence of pantheistic philosophy about "one substance" ...

Литература

1. Hikmət, İsmayıl. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi, 2 cildə, 1 c., Bakı, 1928.
2. Hüseyn Ayan. Nesimi. Hayatı, Edebi Kişiliği, Eserleri ve Türkçe Divanının Tenkiti Metni. I Cilt. Türk Tarih kurumu Basın Evi. Ankara. 2002
3. İmadəddin Nəsimi. Seçilmiş əsərləri. Tərtib edən Həmid Araslı. Bakı: Azərnəşr, 1973
4. Имадеддин Несими. Сборник статей. Баку, Элм, 1973
5. Mümtaz, Salman. Seyyid İmadəddin Nəsimi. \\\ İmadəddin Nəsimi (məqalələr məcmuəsi). Bakı, 1973
6. Quluzadə, Mirzağa. Böyük ideallar şairi, Bakı: Gənclik, 1973
7. Seyyid Nesimi Divanı'ndan Seçmələr. Hazırlayan: Kemal Edib Kürçüoğlu, Ankara. Kültür və Turizm Bakanlığı Yayınları, 1987
8. Usluer, Fatih. Hurufi Metinleri. I., Ankara: Birleşik Kitabevi, 2014
9. Quluzadə, Mirzağa. Böyük ideallar şairi, Bakı: Gənclik, 1973
10. Usluer, Fatih. Hurufi Metinleri. I., Ankara: Birleşik Kitabevi, 2014
11. Aslanov V.İ., Kathleen R.F. Burrill. The quatrains of Nesimi fourteenth-century Turkic hurufi. 1972, Mouton, The Hague-Paris. «Советская тюркология», №3, Баку, 1975
12. Кули-заде З. Хуруфизм и его представители в Азербайджане, Баку: Элм, 1970
13. شرح شطحيات تصنيف شيخ روز بها ن بقلی (در تاریخ 570 هجری 1172 میلادی) بتصحیح و مقدمه فرانسوی از هنری کریبن. تهران 1344
14. نسیمی. دیوان. فی شهر جمادی الاخر سنه. اختر مطبعه سی. 1298.
15. سید عماد الدین نسیمی. دیوان. با مقابله و تصحیح و حمید مجملزاده. نشریات دولتی 1972. اندر بایجان. باکو.